

ДВОЙНОЙ ДЕТЕКТИВ
по ФРЕЙДУ

«Двойной детектив по Фрейду» —

это не только два классических
криминальных романа,
но и психологический поединок
страсти и рассудка,
реальности и мечты,
импульсивных эмоций
и голого расчета.

Анна
ДАНИЛОВА

АЛЫЙ ШАР ЛУНЫ
◆
ЧЕРНИКА НА СНЕГУ

ЭКСМО

Москва 2013

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Д 18

Оформление серии *Д. Сазонова*

Данилова А. В.
Д 18 **Алый шар луны ; Черника на снегу :**
повести / Анна Данилова. — М. : Эксмо,
2013. — 512 с.

ISBN 978-5-699-64851-1

«Алый шар луны»

Егор считал, что Надя Агренич сошла с одного из полотен Ренуара. Но потом страстно влюбился в ее красивую подругу и накануне свадьбы ушел к той. Надя чуть не помешалась, страдая от жесточайшей депрессии. Едва почувствовав себя лучше, она решила разом покончить с прежней жизнью и начать новую. Ограбив фирму, в которой работала кассиром, девушка села в поезд, следующий до Москвы, и бесследно исчезла...

«Черника на снегу»

У следователя Марка Садовникова возникает ощущение, будто вся жизнь пошла под откос. Мало того, что он запутался в расследовании двойного убийства. Так еще убили старого друга Мишу, одновременно прислав Марку фото Татьяны Захаровой, которую они с Мишей когда-то заставили страдать. Жена Марка, художница Рита, внезапно сообщает мужу о желании развестись. Хоть что-то становится понятно, когда выясняется: случайная знакомая жены Наташа и Татьяна Захарова — одно лицо...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Дубчак А. В., 2013
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-64851-1

АЛЫЙ ШАР ЛУНЫ

Чтобы отправиться в далекое путешествие из Москвы в Сургут, нужна весомая причина. Предположим, там поджидает вас наследство в миллион долларов. Вот тогда можно спокойно заказывать билет и, пакуя чемодан, изводить себя мечтами о том, как бы потратить этот миллион, чтобы и удовольствие получить, и денежки сохранить, то есть чтобы не растратить все за одну неделю... Меня же никакое наследство там не поджидало. Больше того, эта поездка обещала одни сплошные расходы и полное отсутствие, как я предполагала, привычного комфорта. Посудите сами. Одно дело — сидеть в теплой квартире и печатать на компьютере очередную главу романа, попивая чай или кофе, а совсем другое — лететь куда-то в глушь, в Сибирь, в февральский холод, в неизвестность...

Однако билет я уже заказала, и его должны были принести мне с минуты на минуту. Так, во всяком случае, мне сказала девушка из курьерской службы. Я укладывала в чемодан очередной свитер и уже пятую пару толстых шерстяных носков, когда в дверь позвонили.

Если бы я не была так простужена в тот день, когда мне предложили в издательстве быстренько выбрать себе литературный псевдоним, то окру-

8 жающие люди знали бы меня как, предположим, Розамунду Бестужеву-Рюмину или скромно — Фаню Нарышкину, а то и вовсе простенько — Улдузу Голенищеву-Кутузову, не говоря уже о Клотильде Дашковой-Кривопищевой; но, поскольку мне в то время было совершенно наплевать, какая фамилия будет указана на моих книгах — меня беспокоили только мое горло и насморк, — я настояла на своей истинной.

— Полина Пухова? Нет, это звучит ужасно! Как перина, как подушка с пухом! — замахал руками редактор.

Я сказала ему — мне требуется время, чтобы придумать что-нибудь оригинальное, чтобы это красиво звучало и легко запоминалось, но так ничего и не придумала — сроки поджимали, книга уже должна была вот-вот выйти, и, к моей огромной радости, «Полину Пухову» оставили, и я обошлась без псевдонима.

— Вы Полина Пухова? — спросила закутанная в розовый шарф девушка-курьер. — Собираетесь в такую стужу в Сургут?

Она словно прочла мои мысли.

— Да, это я — в стужу, в Сургут...

Девушка была явно в хорошем настроении, она пожелала мне летной погоды, успешной посадки, и я, закрыв за ней дверь, снова подумала: куда я лечу? Зачем?

Хотя, конечно же, я долго размышляла, приблизительно дня три, прежде чем решиться на такой марш-бросок в Сибирь. Моя сестра полгода назад вышла замуж за первого встречного парня из Сургута и полетела с ним туда, к нему, как жена декабриста. Письма от нее приходили

хорошие, надо сказать, она не жаловалась, 9
писала, что счастлива, что они любят друг
друга, что новая жизнь ей по душе... Но надо
знать мою Милу, чтобы верить написанному.
Она всегда была капризна, избалованна, испор-
чена вниманием родителей и деньгами, а потом
и огромным количеством завидных московских
женихов. И вдруг — в Сургут! Родители, к моему
удивлению, благословили ее и, с легким сердцем
отправив дочку в Сибирь, сами переехали в Пе-
тербург — поближе к бабушке с бабушкой. Я же
должна была следить за Милкиной квартирой,
поливать никому не нужные теперь цветы, выти-
рать пыль.

«Я беременна, — написала мне Милка, а по-
том и сама показалась по скайпу — расплывчатая,
нечеткая, словно ее изображение разбавили оран-
жево-фиолетовой водой. — Знаешь, такие стран-
ные ощущения!»

«Ты как себя чувствуешь?»

«Да как обычно...»

«Милка, с тобой все в порядке?»

«Да... Все...»

«Твой Тихий любит тебя?»

Тихий — это фамилия моего зятя.

«Да, любит. Все хорошо».

«Ты не скучаешь?»

И вдруг я поняла, что она плачет. А потом се-
стра и вовсе исчезла с экрана. Я написала:

«Что с тобой? Ты почему плачешь?»

«Все в порядке. Смотрю на тебя, вспоминаю...
Здесь все чужие! Тихий вечно на работе, а я со-
всем одна...»

Вот так через три дня я и решилась на это пу-
тешествие. Навестить сестренку. Посмотреть на

10 нее, беременную, разведать обстановку и решить для себя — оставлять ли Милку с Тихим или же брать ее за шкуру и возвращать обратно, в Москву.

И, уже собираясь, я постоянно ловила себя на мысли, что с Сургутом или с Тюменью, словом, с тем холодным краем у меня связаны еще какие-то воспоминания ли, ассоциации ли... Вот только не было в этих ассоциациях ни северного сияния, ни романтики Севера, ни снега с метелью, а виделся мне почему-то бешено мчащийся поезд и слышался стук колес, а еще — отчаянный женский вопль и кровь на холодном металлическом полу тамбура. Что-то недосказанное, незавершенное, пахнущее пионами и, как это ни странно, книжной пылью.

И только к вечеру того дня, когда я уже решилась на поездку, я все вспомнила.

Это был литературный вечер в одной из библиотек. Мне присылали записки, я отвечала на вопросы. Кстати сказать, на таких вот тихих библиотечных вечерах встречаются весьма интересные вопросы, да и люди попадаются вдумчивые, заинтересованные, истинные почитатели твоего творчества.

Ко мне подошла очень скромно одетая немолодая женщина и сказала, что у нее есть ко мне одно дело. Я поняла, что она хочет мне что-то поведать наедине. Мы отошли с ней в сторону, и она спросила меня, где я беру сюжеты для своих романов. Мне часто задают этот вопрос, и я, признаться, уже устала отвечать на него. Приготовилась уже было произнести дежурное: из воздуха! Сюжеты беру из воздуха, они повсюду... Как вдруг я услышала:

— У меня есть для вас сюжет. Вы же кри- 11
минальные романы пишете, а это как раз
такая — криминальная и ужасно страшная исто-
рия... Это все происходило на моих глазах, но мне
почему-то никто не верит! А моя внучка так и во-
обще считает меня сумасшедшей. Ей это на руку,
я знаю, что она хочет избавиться от меня и ото-
брать квартиру. А я — что... что могу я сделать?!

Я смотрела на нее и представляла себе ее тя-
желую жизнь, ее одиночество, постоянные ссоры
со взрослой внучкой. Наверняка она еще и чем-
либо больна, все-таки возраст... Я часто, глядя на
человека, словно бы вижу какие-то фрагменты
из его жизни. Вот и тогда я увидела почему-то ее,
эту женщину, сидящую в кухне возле окна, за ко-
торым идет снег. На столе чашка с жидким кофе,
печенье...

— Слушаю вас, — кивнула я.

— Я возвращалась в Москву из Тюмени, где у
меня живет подруга. Вот так, на старости лет, ре-
шила навестить близкого, родного мне человека.
И такая поездка, знаете ли, приятная была! И с
попутчиками повезло... Я же на поезде поехала.
На самолет билеты дорогие. Туда доехала бы-
стро — разговоры мы вели с соседями по купе...
Да и спала я хорошо, спокойно, не то что в Мо-
скве. А вот на обратном пути в поезде произошло
что-то страшное... И это не дает мне покоя! Я и
сон потеряла, постоянно думаю об этом, но сде-
лать ничего не могу. У меня здоровья нет. И сил.

— Так что же произошло в поезде?

— У меня была соседка по купе. Она тоже в
Москву путь держала. Молоденькая такая девуш-
ка. Красивая. Надей ее звали. Она, конечно, не
такая разговорчивая была, как мои прежние со-

12 седи по купе, но все равно, приветливая, вежливая такая. Нас ехало двое. Больше никого. Пока мы чаю попили, газеты-журналы почитали, и вечер наступил... Надя вышла в туалет, полотенце взяла, мыло... Словом, она не вернулась. Я долго не могла уснуть. Сначала мне показалось, что в той стороне, где находится купе проводников, кто-то вскрикнул... Потом кто-то бегал как будто туда-сюда. Но я приписала все это своей мнительности. Осмелев, я решила отправиться на поиски Нади. Думала: если не найду ее где-нибудь в вагоне, скажу проводнице, что пассажирка пропала, ее уже полчаса нет. Вышла я из купе и направилась в сторону туалета, того, что был расположен ближе к нам, то есть неподалеку от купе проводников. В туалете никого не было. Тогда я вышла в тамбур, думаю, может, Надя там стоит, курит? Сейчас же все курят. Открываю дверь и вижу... извините... голый зад! Какой-то мужчина. А под ним — Надя! Смотрит на меня умоляющими глазами! Какой-то гад ее насильничал, понимаете?! Я поняла, что ее надо спасать, побежала к проводникам, рванула дверь — никого. Тишина. Страшно так мне стало...

Я — в купе, заперлась. Сижу и думаю: что делать? Надо же что-то делать... Звонить! Но кому звонить? По какому телефону? Пока я так раздумывала, чувствую — у меня перед глазами все плывет... Плохо мне стало. Я пришла в себя, уже когда в купе вошел какой-то мужчина в фуфайке. Приложил палец к губам, мол, молчи, а потом, забирая дорожную сумку Нади, он, глядя мне прямо в глаза, тихо сказал: «Вы ничего не видели и не знаете... И никто с вами не ехал! Забудьте ее». И ушел. А мне и вовсе дурно стало! Потом мне

показалось, что кто-то закричал... Меня всю 13
затрясло. Я услышала, как кто-то прошел за
дверями купе и сказал: «Скоро Войновка...» Я за-
помнила название станции. Но еще до того, как
поезд остановился, я слышала какой-то шум, как
будто кто-то хлопнул тяжелой металлической
дверью. Я сидела тихо, как мышка, не зная, что
и думать... Это позже, уже под утро, ко мне за-
шел какой-то человек и начал задавать вопросы.
Спрашивал, не слышала ли я посторонних зву-
ков? Когда я видела в последний раз проводницу?
Кто был со мной в купе? Признаюсь: я промол-
чала... Вернее, солгала — сказала, что никто со
мной не ехал. Хотя на самом деле была эта Надя,
которую, как мне думается, убили...

— Почему убили? — спросила я.

— Да потому что весь вагон потом обсуждал
случившееся! Говорили, что были обнаружены
два трупа. Один труп — это была проводница...
Представляете, оказывается, проводницу уби-
ли! Не зря же я слышала крик! А другой труп —
неизвестный — сбросили с поезда... Убийца взял
у проводницы специальный такой ключ, открыл
дверь идущего на полном ходу поезда и вытол-
кнул из него окровавленное тело. Или выбросил
труп в окно купе проводницы. Понятное дело,
что убили Надю! И убил ее тот самый... зверь...

— Зверь?

— Он из тюрьмы сбежал! Вернее, вроде
несколько человек сбежали, но один вот попал в
наш поезд. Они же там все в тюрьме превраща-
ются в зверей! Уж доехал бы до Москвы, дотерпел
бы! Ан нет, не смог: увидел молоденькую девушку
и завалил ее прямо в тамбуре...

— Вы хотите, чтобы я написала об этом?

14 — Это еще не самое интересное... — вдруг сказала женщина. — Интересное началось потом, когда я, умирая от страха и стыда за свою ложь, снова осталась одна. Вспомнила, что изверг этот в купе заходил, вещи Надины забрал... Но кое-что он оставил. Потому что не знал о ее существовании.

— Вещь?

— Да. Кошка! Такая, знаете, плюшевая большая симпатичная кошка, которая скорее напоминала подушку. Надя клала ее себе под голову. Я уж не стала ее спрашивать, что это за подушка-кошка такая... Может, ехала себе девчонка в Москву, навстречу новой жизни, поступать куда-то, вот и прихватила из родного дома сшитую мамой подушку. И сумочку ее он тоже не заметил. Маленькую такую лакированную сумочку, с документами.

— И куда вы ее дели? В милицию сдали?

— Нет... Говорю же... Ничего я тогда никому не рассказала, все ее вещи с собой так и привезла. И даже сумочку не открывала, подумала — а вдруг там отпечатки моих пальцев окажутся? Положила в пакет и сумочку, и подушку, так и привезла все домой. Спрятала в шкафу.

— Чего же вы хотите?

— Хочу освободиться от этих вещей! Я задыхаюсь от них, понимаете? А вы... Вы пишете такие интересные, сложные книги и так хорошо там со всеми разбираетесь, распутываете такие сложные истории... Вот я и подумала: вот кому, этой женщине с замечательным умом и фантазией, я могу доверить эти вещи! А уж она разберется, что с ними сделать. Как поступить.

— Но если я принесу эти вещи в милицию,

меня спросят, откуда это у меня, и что я от- 15
вечу?

— Скажете, что их вам принесла какая-то по-
лоумная старуха. Ни имени моего вы, мол, не
знаете, ни адреса...

— Вы что же, принесли этот пакет с собой?

— Нет, что вы! Я приготовила для вас лишь
листок с адресом и номером телефона. Если вы
захотите написать новый роман, вспомните мою
историю, приезжайте ко мне, я отдам вам вещи
Нади. Может получится интересный роман.

И она положила на столик записку.

— Как вас зовут? — спросила я, удивленная
странным рассказом женщины.

— Екатерина Андреевна я. Ах да, чуть не забы-
ла... Подпишите мне вот эту вашу книгу!

Записку я благополучно потеряла. Потом на-
шла — и снова потеряла. И вот теперь, накануне
отъезда, я вспомнила о ней и стала искать. Ока-
залось, что она лежала там, где ей и положено
было, — в коробочке со стопкой подобных же
записочек, визиточек, каких-то листиков с за-
метками, словом, вместе с материалами для буду-
щих романов. Вот: Екатерина Андреевна Ревина.
И адрес с телефоном. Позвонить? И что сказать?
«А помните, года три тому назад вы подходили
ко мне и предлагали сюжет для нового романа?»
Если все, что она мне тогда рассказала, — правда,
то она не могла об этом забыть. Хотя за три года
могло произойти многое. К примеру, сама Ревина
могла отнести вещи своей убитой соседки по купе
в милицию и во всем признаться, что, мол, испу-
галась она тогда, ведь ей угрожали...

Времени у меня было много, настроение —